

Глава 1

ПОРТРЕТ

Жить среди красивых вещей очень приятно. Умирать больно. Досадно и страшно обидно. Как же так? Вы уходите, а это все остается. Кому? Например, вот этот малахитовый столик эпохи рококо или те каминные часы стиля ампир? Кому отойдут они? Кто будет их новым счастливым владельцем? И кто, в свою очередь, под зов последней трубы сыграет в ящик, оставив эти вещи, эти чудесные роскошные вещи — все равно как, по завещанию, или просто в рамках гражданского законодательства — следующему? А тот другому, третьему, десятому, сотому. И так до бесконечности в длинной веренице поколений наследников, хозяев, а по сути своей лишь временных хранителей вещей, которые с каждым годом, с каждым веком становятся из просто ценных — бесценными и начинают жить своей собственной жизнью, от которой лишь один шаг до вечности.

Такие мысли о вещах и о вечном могут неожиданно-негаданно прийти на ум если не на кладбище, так только в музее. Или в антикварном салоне. Причем лишь человеку, предрасположенному к раздумьям такого рода и крайне сентиментальному. Сергей Мещерский таковым и был, но сам себе в этом никогда не признавался. В принципе все объяснялось обычной хандрой. Гоской по дому, что случается только у москвичей и только в одном месте на свете — в Питере в разгар бабьего лета, когда Нева по утрам уже дышит туманами и ощутимой прохладой, а в полдень нестерпимо для глаз смотреть на сияющий шпиль Адмиралтейства, протыкающий солнце насквозь.

Сергей Мещерский был уверен: москвичам Питер противопоказан. Приезжать в Питер вредно. Тем более одному, без никого. Ровно три дня назад еще в Москвематушке он звонил жене своего закадычного друга Вадима Кравченко Кате и спрашивал у нее... точнее, просто интересовался... выяснял как бы мимоходом, небрежно, не хочет ли и она (естественно, вместе с мужем — куда же без друга Вадима?) поехать в Питер.

В итоге Сергей Мещерский посетил Северную Пальмиру в гордом одиночестве. Причина поездки была сугубо деловой. Турфирма «Столичный географический клуб», которой Мещерский за неимением прочих увлечений и привязанностей отдавал всего себя без остатка, давно уже пустила на берегах Невы свои цепкие корни.

— Кстати о корнях, Сергуня. Только здесь я чувствую себя самым собой, понимаешь? Только здесь. В Москве с некоторых пор для меня, Ивана Лыкова, стало трудно держаться в рамках. Так и тянет заявить о себе каким-нибудь варварством. На худой конец разбить что-то где-то — витрину в баре или чей-нибудь череп.

Это замечание спугнуло и дополнило мысли — Мещерский рассеянно кивнул: да, да, но зачем же так, к чему? Удивительно, но одиночество его в Северной столице продолжалось недолго. Именно на Невском сразу по приезде он буквально нос к носу столкнулся со своим старым знакомым и одновременно дальним родственником Иваном Лыковым, с которым в Москве не встречался, наверное, сто лет.

Лыков не спеша, вразвалочку, с видом скучающего туриста брел по Невскому от витрины к витрине вместе со своей сестрой Анной, с которой у Мещерского была отдельная история.

С Анечкой Лыковой Мещерского пять лет назад активно знакомила, а фактически неназойливо сватала тетя Женя, точнее, как звала ее за глаза вся родня, «всеобщая тетя Евгения Александровна». Все дело было, конечно, в родне и в предках. Если в наше время вы вдруг обнаружите, что среди ваших пращуров имеются дворяне, вы с

полуслова поймете, о чем речь. Если не поймете — ваше счастье.

О том, что он прямой потомок славного рода князей Мещерских, Сергей Мещерский всерьез вспомнил только однажды — на заре перестройки. Потом все как-то рассосалось и перешло в иную плоскость. Однако всеобщая тетушка Евгения Александровна не забывала об этом факте никогда. Она, эта ходячая родословная энциклопедия Москвы, помнила также, что и среди предков Ивана Лыкова и его старшей сестры Анны тоже некогда ходили удельные князья. Лыковы — старинный боярский род, происходивший по поместным книгам от легендарного князя Лычко, некогда вышедшего из Угорской земли.

Предком все Лыковы гордились, но вот известный писатель — советский граф Алексей Толстой подложил им всем в своем знаменитом «Петре Первом» большую свинью, написав, что, мол, черт его видел этого Лычко, как он там вышел откуда-то. И в результате возникло сомнение. Правда, тогда, когда советским графом был написан знаменитый роман, особой уязвленности князя Лыковы, в основном сидевшие по тюрьмам и лагерям, по поводу этих обидных сомнений не испытывали. В то время иметь лучше было среди предков не удельного князя, не ближнего боярина времен Алексея Михайловича, а пьяницу-молотобойца с какого-нибудь завода Михельсона. Неприятностей и проблем куда как меньше.

И надо же было случиться такому, что по закону подлости спустя полвека на вступительных экзаменах в МГУ последнему из рода князей Лыковых — Ивану Лыкову достался билет по литературе именно с вопросом о злополучном романе, где происхождение его легендарного предка бралось под сомнение. Потомок князя Лычко громко хлопнул дверью университетской аудитории. В результате чего экзамен в МГУ провалил и поступил в автомеханический институт по остаточному принципу. По окончании института, и это хорошо было известно Мещерскому, он получил распределение на ЗИЛ, вкалывал там инженером-механиком, но нового слова в отечест-

венном автомобилестроении так и не сказал. И все по причине своего характера.

Странная была натура у Ивана Лыкова. Для Сергея Мещерского, знавшего его с детства, он всегда был немножко загадкой. Другое дело его сестра Анна. С ней Мещерский был в ровных приятельских отношениях до тех пор, пока из прозрачных намеков всеобщей тетушки Евгении Александровны не понял, куда на самом деле дует ветер. Ощущение, когда вас настырно сватает ваша досужая родня, а вы этого сватовства не хотите, то еще.

Анна была старше Мещерского на три года. Она была славной милой девушкой. Она прилежно училась в университете, страстно увлекалась всем, чем увлекались ее сверстницы: кришнаитами, Интернетом, хай-теком, дизайном, суши. Когда в моде стал «винтаж», она, урожденная княгиня Лыкова, нашла себе наконец работу по душе и по зарплате в небольшом, но чрезвычайно престижном антикварном салоне на Сивцевом Вражке.

Если уж быть совсем в доску честным, Мещерский вынужден был признать, что ту давнюю заветную мечту всеобщей тетушки о счастливом соединении двух старых дворянских родов Анна Лыкова восприняла довольно равнодушно. Затея эта не удалась, к взаимному облегчению сторон. И неожиданная встреча с Анной на Невском не всколыхнула никаких романтических воспоминаний.

Встретились, удивились, обрадовались, потрепались всласть, как все москвичи в революционной колыбели на Неве. Про антикварный аукцион, традиционно проводимый в сентябре, Мещерский узнал от Лыковых — они как раз на него и приехали и направлялись в выставочный салон в этот солнечный погожий денек бабьего лета.

— Сережа, ты по-прежнему географические карты собираешь? — спросила Аня... нет, теперь, через столько лет, конечно, Анна (если не Анна Николаевна) Лыкова. — Я помню, я все про тебя помню. На аукцион несколько лотов выставляется — тебе наверняка будет интересно взглянуть.

Географическими картами, а тем более старыми, Ме-

шерского можно было заманить куда угодно, не только в антикварный салон.

Еще по дороге он отметил: Анна за эти годы, что они не виделись, изменилась. Она всегда была девушкой, скорей способной понравиться мужчине, чем не понравиться. Но, оказывается, есть огромная разница между двадцатилетней студенткой и тридцатилетним преуспевающим менеджером антикварного бутика на Сивцевом Вражке. Разница во всем — в прическе, манере разговаривать, одеваться, выбирать духи, аксессуары, лак для ногтей.

Кто ни капельки не изменился, так это Ваня Лыков. Как вставил себе пять лет назад серьгу в ухо, намотал на шею яркий кашемировый шарф, сделал наколку в виде дракона, так и все это до сих пор при нем.

— Сергуня, глянь туда. Да оторвись ты от этой трехверстки!

Мещерский аж вздрогнул: он рассматривал выставленную в качестве лота рукописную карту китайской границы, составленную для герцога Бирона агентом Лангом, посланным с тайной миссией на Дальний Восток в восемнадцатом веке. А Ваня, нет, наверное, тоже уже не Ваня, а Иван Лыков стоял у окна, выходявшего на набережную Невы. В выставочном зале аукциона в этот неурочный полуденный час почти не было посетителей, только несколько иностранцев. А на той стороне набережной напротив дома, где помещался антикварный салон, на фоне серо-гранитной Невы и ярко-голубого неба четко выделялся трехэтажный красный особняк. Осеннее солнце отражалось во всех его зеркальных окнах, спелым багрянцем окрашивало медную, заново перекрытую крышу.

До революции этот особняк принадлежал князьям Лыковым, потом там располагалось военное училище, затем райком комсомола, а сейчас вот какой-то банк. Особняк менялся и менял владельцев. Но и на фоне светлого квадрата окна с выделяющимся в солнечной дымке утраченным родовым гнездом последний потомок рода Лыковых был все таким же...

— Сергуня, кстати, о корнях. Только здесь я чувствую себя тем, кто я есть, понимаешь? А в Москве с некоторых пор мне...

— Интересно, Иван, а кто изображен на этом портрете? — спросил Мещерский, чтобы Лыкова уж совсем не заносило насчет Москвы, Запада, заката Европы и прочего.

— На каком еще портрете?

— На том самом, что ты так дотошно только что разглядывал? — Мещерский кивком указал на картину, висевшую среди других полотен, выставленных в качестве лотов.

Вернисаж был подобран пестрый: от жиденьких пасторальных пейзажиков в стиле модерн до посредственных копий итальянцев и голландцев. Все рассчитано на среднесостоятельного покупателя.

Картина, которая с самого начала особенно привлекла внимание Лыкова (на остальные лоты он почти и не смотрел), была довольно тусклым женским портретом первой трети восемнадцатого века, писанным маслом. На портрете была изображена дама в напудренном парике, в платье с фижмами времен императрицы Елизаветы Петровны, вместе с арапчонком в ливрее. Смелое декольте, пудра и парик не скрывали, а, наоборот, подчеркивали возраст дамы — желчное, властное выражение лица, первые признаки увядания, ум, опытность и ледяное презрение в темных глазах.

Арапчонок, нарисованный внизу холста, больше смахивал на дьяволенка, чем на ребенка, — столько злого сарказма и жестокости было в чертах его темно-шоколадного сморщенного личика.

Но, как заметил Мещерский, Ивана Лыкова в этой картине интересовали не столько лица изображенных, сколько их костюмы. Наряд дамы был из серебристой парчи. К лифу алмазным аграфом с вензелем Елизаветы была приколата алая фрейлинская лента. Кроме аграфа, на платье виднелось и еще одно массивное драгоценное украшение: подвеска в виде кораблика — гондолы, укра-

шенная крупными жемчужинами и самоцветами. Эта подвеска совершенно не гармонировала с платьем. Она словно попала на портрет из другого века.

— Нравится? — усмехнулся Лыков. — Тебе она нравится?

— Чей это портрет? — повторил Мещерский.

— В каталоге значится, что это русская копия с итальянского оригинала, — ответила за брата Анна Лыкова. — Это портрет Марии Бестужевой, жены вице-канцлера и придворной фрейлины Елизаветы. Копия довольно слабая. Рисовал ее, скорее всего, какой-нибудь крепостной художник, учился копировать фамильные портреты.

— Неужели эту мегеру кто-то купит? — усомнился Мещерский. — Неприятное какое лицо, и краски мрачные.

— Купят, — ответила Анна, — лоты восемнадцатого века редкость на наших аукционах. Купят, повесят в гостиной над диваном.

— Салтыков купит, — сказал Иван Лыков. — Видишь, Аня, как точно я называю имя будущего покупателя. — Он помолчал, многозначительно поглядывая то на отчего-то сразу смутившуюся сестру, то на удивленного Мещерского. — А что, Сергуня, ты разве не в курсе, что он снова приехал? Что он уже с начала лета в Москве обретается? И, по-моему, на этот раз возвращаться в Париж не собирается.

— Ты не знал, что Роман... Роман Валерьянович здесь? — спросила Мещерского Анна. — Ты совсем не интересуешься нашими общими родственниками, Сережа.

Насчет общих родственников Анна немножко слукавила. Мещерский усмехнулся про себя. Салтыковы, Лыковы и Мещерские действительно были близкой родней, но... почти век назад. Предки Салтыкова после революции эмигрировали. Предки Мещерского и Лыковых остались. С Романом Салтыковым Мещерский впервые встретился в Париже несколько лет назад. Затем Салтыков приезжал в Россию, на свою историческую родину, и они встречались снова в качестве дальних родственников

в Москве. Роман Салтыков был старше Мещерского на двенадцать лет, по-русски говорил свободно, но с акцентом, был женат, имел детей.

— А в Лесном, между прочим, работы полным ходом идут все лето, — сообщил Лыков, — Салтыков столько бабок вбухал в этот проект. А сколько всего было-то? Никто ведь не верил. Не верили даже, что разрешат. Ни в фонде культуры не верили, ни в монархическом союзе... Не верили, что дом отдадут в аренду. А сейчас там уже реставрируют вовсю. Вот что значит бабки немереные и европейская упертость: решил — сделал. Мы бы с тобой, Сергуня, дорогой, давно бы руки опустили, плюнули, а Салтыков — нет, настоял. Решил проблемы. И фонд культуры добро дал, и министерство, и администрация. Между прочим, мы там с Аней часто бываем, в Лесном, у Романа Валерьяновича в гостях. От тебя ему привет передать по-родственному?

— Да, конечно, передай. Я рад, что Роман приехал, — Мещерский улыбнулся. — А почему ты говоришь, что никто не верил в его затею с возрождением усадьбы?

— Потому что знаю. Никто не верил. Одни глупостью считали, другие блажью богатого придурка. А придурок-то сделал всех нас. Да, да, в первую очередь нас с тобой, Сергуня. Приехал и показал, каким орлом можно быть. Как дела обделывать насчет реституции. Как верить в то, во что никто не верит. Как это сказано: каждому по вере его, да? — Лыков словно злился на кого-то за что-то. Он смотрел на портрет дамы с арапчонком, висевший среди других лотов не избалованного питерской публикой антикварного аукциона, и злился. — А между прочим, при Елизавете Лесное принадлежало вот этой самой Бестужевой, — сказал он, но уже совсем иным тоном. — Она тоже Роману Валерьяновичу в какой-то мере родственница. А значит, и нам с тобой родня-с. Жизнь у нее бурная была, на готический роман потянула бы.

Мещерский только пожал плечами. О портрете и об этом разговоре с Лыковым он почти сразу же забыл, как только они распрощались там, в Питере, где каждый по-

шел в свою сторону по своим делам. Однако вспомнить все это Мещерскому пришлось. И неожиданно скоро — едва он вернулся в Москву.

Глава 2

СВЯЩЕННИК

Говорят, что глаза жертвы хранят отражение убийцы: загляни — и увидишь кто. Чувшь все это. В мертвых глазах не отражается ничего. Даже вечное небо, даже белые облака в мертвых глазах увидеть нельзя. Не похожи на зеркало мертвые глаза. Вообще не похожи ни на что живое. Потому-то, наверное, так неприятно и страшно заглядывать в глаза мертвецу.

Начальник отдела убийств ГУВД Московской области Никита Колосов наклонился, провел ладонью по холодному, влажному от морозящего дождя лицу убитого. Кому-то ведь надо выполнить этот долг — закрыть, ощущая колкость ресниц.

Осмотр места происшествия приходилось делать под непрекращающимся дождем, в быстро по-осеннему наступающей темноте, при скупом свете фар дежурной милицейской «Волги». В этом деле все уже было не гладко, не так, как надо с самого начала: место, время, освещение, погодные условия. Но самые большие проблемы — и Никита Колосов чувствовал это — обещала сама личность убитого.

— Это отец Дмитрий, настоятель церкви мучеников Флора и Лавра в Тутышах, — сказал Колосову дежурный по главку. — Сколько лет у нас таких случаев не было. И вот, пожалуста, дождались. Хлебнем теперь с этим делом досье.

Убийство священника было делом действительно редким. На памяти Колосова такое случилось лишь однажды, когда он только начинал работать в уголовном розыске. Еще на пути в эти самые Тутыши он знал, кого навер-

няка застанет на этом сенсационном происшествии. И он не ошибся.

Машина главковского пресс-центра даже опередила его. А в группе милиционеров в дождевиках резко выделялась до боли знакомая фигурка под красным зонтом. Словно тоненький и ужасно деловой гриб-мухомор. Криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Екатерина Сергеевна Петровская (по мужу Кравченко) уже была здесь, на месте. Тихонько, без суеты расспрашивала начальника местного отделения милиции Николая Кулешова о том, что случилось. Как и Колосов, Катя в этих самых Тутышах оказалась впервые. Однако в сгущающихся сумерках и оглядеться по сторонам толком было невозможно. Желтые пятна света от автомобильных фар вырывали из дождевой смурной пелены лишь небольшой участок с распростертым на земле мертвым телом.

Колосов смотрел на труп и отчего-то медлил начинать осмотр. Священник. Старик. Седые волосы, седая аккуратная борода. Руки широко раскинуты. Левая накрепко вцепилась в комок глины. Справа от тела примерно в метре — пухлый кожаный портфель, тоже весь в глине. И эта чудная одежда. Непривычная. Ряса, что ли, или как она там называется, похожая на коричневое одеяло...

— Кто его обнаружил? — спросил он Кулешова. — В котором часу?

— В 20.40 рейсовый автобус из Коломны пришел по расписанию. Пассажиры, что здесь сошли, — наши здешние, с молокозавода мужики — вот их фамилии, я записал для следователя, они и наткнулись. Там у нас автобусная остановка, — Кулешов махнул куда-то в темноту, откуда доносилось слабое эхо оживленной автомобильной трассы. — Этой дорогой все здешние ходят с автобуса — и на молокозавод, и в Тутыши, и в Воздвиженское, и в Лесное. В Лесное, правда, подальше и свернуть еще надо.

— Давность наступления смерти — четыре часа. Его убили около шести вечера, — сообщил патологоанатом. — Никита Михайлович, давайте его осторожно перевернем. Я вам покажу рану.

Перевернули. Перед тем как тронуть труп с места, Колосов и закрыл ему глаза. Мертвое старческое лицо, иссеченное морщинами, борода, усы.

Затылок был раздроблен.

— Черепно-мозговая травма, она и стала причиной мгновенной смерти, — сказал эксперт. — Ударили, видимо...

— Обухом топора?

Это громко, тревожно спросила Катя. Колосов обернулся через плечо. Катя близко к трупу не подходила. Жалась в сторонке под этим своим смешным красным зонтом-мухомором. Рядом с ней стоял оператор телестудии Марголин. Ладил камеру — снимать, скорей все снимать. Катя зонтом прикрывала от дождя не столько себя — камеру, всевидящее око.

Насчет этого самого обуха топора она спросила неспроста. Все это поняли. Переглянулись. В Подмоскowie уже было одно убийство священника, о котором вскоре узнала вся страна. В том деле фигурировал топор. А дело так и повисло глухарем.

— Нет, нет, это не топор, — патологоанатом словно обрадовался чему-то, зашпешил. — Удар нанесен сзади, с силой, человеком чуть выше среднего роста. Но это не топор. Похоже на монтировку или свинцовую дубинку.

— Или на кусок трубы. — Колосов присел, начал, светя себе карманным фонарем, осматривать рану. Осторожно ощупал череп. Рядом с головой мертвеца валялась испачканная глиной и кровью бархатная фиолетовая шапочка непривычного покроя. Колосов вспомнил, что священники носят вроде бы какие-то скуфьи. Это и есть скуфья? Или это клубок?

— Как он тут оказался, зачем? Выяснили? — спросил он у начальника отделения милиции Кулешова.

— Выясняем. Я двоих своих сотрудников послал в церковь и домой к нему, — ответил тот.

— У него кто из родственников есть? Жена, дети? — продолжал спрашивать Колосов.

— Жена у него умерла давно. Бездетные они. Но у него полон дом родни, все старухи: сестра с ним прожи-

вает, потом теща — этой вообще чуть ли не сто лет, и еще приживалки — тетки какие-то троюродные. Их дети родные в дом престарелых сбагрили. А отец Дмитрий к себе взял. — Кулешов вздохнул. — Эх, жалко мужика! Хороший старик был. У меня почти пол-отделения крестники его.

— Тут жильё какое-нибудь поблизости есть? — спросил Колосов. — Свидетелей для начала будем искать. Может, кто-то крики о помощи слышал, видел что-то. В шесть вечера еще не так темно было. Значит, это обычный путь здесь у вас с автобуса?

— Самый обычный. А жилья тут особо близко нет никакого. Летом дорога-то торная, машины часто ходят — дачники на пруды в Лесное купаться ездят, когда жарко. Ну а осенью народа почти нет — только свои, кто на автобус к расписанию идет.

— В шесть часов, в начале седьмого автобусы по расписанию есть?

— Даже два — один с Москвы, экспресс, но по требованию всегда тут останавливается, и с Бронниц. Коломенский приходит в половине шестого. Но часто бывает, что опаздывает. Только вряд ли бы он поехал в Коломну на ночь-то глядя, в шесть вечера, — Кулешов с сомнением покачал головой.

— А что у него в портфеле? — подала голос Катя.

Колосов снова оглянулся. Этот кожаный портфель рядом с телом. Он тоже создавал проблемы. Портфель, что бы там в нем ни было, не взяли. Судя по всему, даже не открыли его, не притронулись. Значит, это было не ограбление. Значит, дело не в каком-то залетном забулдыге, подкарауливающем на осенней сельской дороге редких прохожих.

Но портфель он открыл не сразу. Сначала вместе с патологоанатомом, следователем прокуратуры и оперативниками они тщательно осмотрели тело, ища другие повреждения. Но, кроме раны на голове, ничего не было — ни садин, ни ушибов, ни синяков.

Под коричневой шерстяной рясой у отца Дмитрия

оказался толстый мохеровый джемпер и суконные брюки. Осмотр вроде бы шел как обычно, по всем правилам, как и в десятках и сотнях других происшествий, но все-таки и тут что-то было не так, нехорошо, неладно. Колосов чувствовал странное смущение и дискомфорт, когда они осматривали, разоблачали, раздевали этот труп, ища следы ударов, побоев. Священник был совсем особой жертвой.

— Марголин, убери камеру, — тихо сказал Колосов ретиво сунувшемуся вперед оператору пресс-центра.

— Мне надо снять.

— Убери камеру, пожалуйста.

— Но мне надо снять осмотр! — Марголин повысил голос.

— Пожалуйста, сделай, как тебя просят, — тоже тихо, как Колосов, сказала ему Катя. — Никита, ты зря тревожишься, эта пленка никуда не пойдет, пока... пока вы не раскроете. Потом вам самим же съемка места пригодится. Если хочешь, я тебе эту кассету прямо сейчас отдам.

Катя была, что называется, кругом права: они делали свою работу. И пленка действительно пригодилась бы розыску, но...

— Это все-таки поп как-никак, — буркнул он.

Катя тревожно взглянула на него.

— Выключи пока камеру, — обернулась она к Марголину. — Потом они закончат осматривать, приведут одежду в порядок, тогда продолжишь.

— Да в чем, собственно, дело? — недовольно спросил Марголин. — Что не так-то?

— Все так. Но это священник, — повторил Колосов. — Эх, попа нам только и не хватало. Давайте остальные машины сюда фарами развернем. А то темно, как в яме. Территорию осветим.

Катя, прикрывшись зонтом, побежала, заскользила по глине к машине. Через пять минут света стало больше, но и тьма, окружающая место происшествия, словно еще больше налилась чернотой. Колосов огляделся по сторонам: вот ведь кругом не пустыня, не тайга, не лес дрему-

чий — живописное дачное место в родимом Подмосковье. Оживленная Рязанка — там, за леском, Тутыши эти самые — деревенька, Воздвиженское — поселок, железнодорожная станция. Отчего же всего этого как бы и нет сейчас, а только мрак, ненастье, безлюдье, глухомань? Кажется, понатыкай вдоль этого проселка фонарей — и все появилось бы, возникло как по волшебству. Неужели все дело только в электричестве и его отсутствии?

Осмотр продолжался до десяти вечера. Нет-нет да и поглядывал Колосов через плечо в сторону: где там стоял чахлый «жигуленок» пресс-центра? Ага, все еще здесь, на месте. Не уезжает. И фары его тарашатся, как два глаза в ночи.

— Какие в такую погоду следы, — промокнув и вконец извозившись в грязи, бурчал Кулешов. — Все развезло.

— Завтра днем сделаем повторный осмотр, — Колосов вытер мокрое вспотевшее лицо рукавом кожаной куртки. Руки были грязные. Попытался под дождем помыть — только хуже сделал, вытер платком. — Меры примите к сохранности обстановки. Вон те кусты у дороги хорошо бы детально осмотреть. Да только сейчас ни черта не видно. Вообще здесь открытый участок. Если где и прятаться, ждать, подкарауливать, так только в этих кустах. Листвы еще много, не опала.

— Убийца мог идти следом за отцом Дмитрием, догнать его здесь и нанести сзади удар, — сказал Кулешов. — Если б он портфель распотрошил, так и гадать было б нечего — ограбление, все ясно.

Колосов поднял портфель священника — ого, увесистый. Такую тяжесть дают только книги. Светя дополнительно карманным фонарем, он легко открыл замок, и они все склонились над портфелем. Тут же появилась и Катя — высоко подняв зонт, с которым упорно не хотела расстаться, хотя все равно промокла, вклинилась между ними. Колосова даже локтем от нетерпения толкнула — подвинулся.

— Мне за воротник капает, — сказал Кулешов.

— Извините, Николай Николаевич, — она дернула

зонт и едва не попала в глаз спицей оператору Марголину, снова включившему камеру.

В портфеле действительно были книги. Колосов достал их одну за другой, прочел название: Сократ Схоластик «Церковная история», три тома «Вестника Московского патриархата», несколько старых номеров журнала «Православие и культура» и...

На дне портфеля лежали три пухлые денежные пачки, перетянутые банковскими резинками. Колосов извлек их. В одной были сплошь сотенные купюры, в двух других — пятисотрублевые.

Глава 3

ТРИ ОКНА

За городом осенними глухими вечерами темно, ах, как же темно! Чуть свернете с магистрального шоссе направо или налево — и точно в чернила с головой нырнете. Впереди тусклая полоса света от фар вашей машины, а по сторонам только причудливые бесформенные тени. И хоть разорвись — не угадаешь, мимо чего проезжаешь: старой дачи, сельмага, куста бузины или притаившегося у дороги косматого чудища, стерегущего добычу.

Никита Колосов вроде бы внешне совсем никак не отреагировал на то, что Катя на обратном пути в Москву села в его «девятку», а не в машину пресс-центра. По крайней мере, изо всех сил старался держаться в рамках. Ехать вдвоем с места происшествия, а тем более ночью, было, конечно же, лучше, чем одному.

— Ой, Никита, как хорошо, что именно ты выехал. Ты знаешь, я никогда здесь прежде не была, — в машине Катя юлой вертелась на заднем сиденье, пытаясь пристроить мокрый зонт так, чтобы с него не капало ей на ноги. — Мы ведь тут с Марголиным совершенно случайно оказались. В Сотникове снимали материал о деле Вавилова. И тут вдруг сообщение — убийство. И, как назло,

дождь зарядил. А я знала, что тебя здесь увижу. Жуткий случай, правда?

— Мы, Катя, только и видимся с тобой, когда кого-нибудь прикончат. Кстати, все хотел спросить тебя — как там твой муж поживает?

— Спасибо, очень хорошо.

— Спортом занимается? Не надорвался еще?

— Не надорвался, — кратко отвечала Катя. — Он у меня мальчик крепкий.

В свете фар перед машиной что-то вдруг выскочило как черт из табакерки — ошалелый заяц или кошка. Колосов резко крутанул руль, не сбавляя скорость. Он плавно нажимал на газ с каждым новым вопросом.

— Этот отец Дмитрий старенький совсем был, а я думала — молодой, — сказала Катя, явно стараясь перевести разговор ближе к теме. — Давно в области такого убийства не было. Надо же — священник. Если раскроете, то...

— Раскроем. Мы, знаешь, тоже не слабаки.

— Ой, Никита, — Катя вздохнула, — не хвались, любишь ты хвалиться. Что-то не понравилось мне сразу то, что мы увидели.

— Что ж там может понравиться? Труп, грязь, кровяца?

— Мне не понравилось, что убит священник. И то, что его убийца не взял ничего из вещей, даже деньги не взял! Вы их там пересчитывали — сколько было?

— Сорок три тысячи рублей.

Катя помолчала, смотря в окно, — тьма, тьма крошечная. А ведь до Рязанки всего каких-то пятнадцать километров.

— Завтра сюда вернешься? — спросила она.

— Конечно, куда же я денусь?

— Если я с начальником договорюсь, можно и мне приехать?

— С каких это пор криминальный обозреватель пресс-службы спрашивает у розыска разрешения?

— С таких.

— Материал какой-то будет обязательно, но может

так выйти, что не для прессы. Не боишься здесь со мной время зря потратить?

— Знаешь, Никита, я не помню случая, чтобы я зря тратила с тобой время. Значит, ты не против, чтобы я собирала материал по убийству священника?

— Нет. Лично я совсем не против.

— Ты только смотри, пожалуйста, на дорогу. Иначе мы врежемся.

— Не врежемся. Не бойся.

— Я не боюсь. А вон еще одно окно светится... Интересно, кто это не спит в такой час здесь? — сказала Катя. — Когда мы свернули с проселка, я тоже видела вдали освещенные окна. А вот дома так и не разглядела.

— Я тоже видел свет. Ты с такой тоской это говоришь, словно тут тундра. А здесь люди кругом живут.

— Просто их не видно, потому что фонари не горят. — Катя устало улыбнулась. — В этом что-то иррациональное есть, не находишь?

Колосов пожал плечами: иррационального он в этом ничего не находил. А про себя подумал: «Если и в следующий раз придется выезжать на происшествие в такую дождливую ночь, неплохо бы разжиться в отделе спецтехники прибором ночного видения. Всего и делов-то, как говорится».

Во тьме домов и людей не было видно, но они, конечно же, были. Если бы кто-то в этот поздний час шел по проселку от автобусной остановки, то увидел бы в ночи три ярко освещенных окна. Дома, в которых светились эти окна, располагались в разных сторонах, но не так уж и далеко друг от друга.

Один дом скрывался за высоким дощатым забором. Круглое окно-иллюминатор светилось на втором этаже, но кто не спал в этот час там, в доме, понять было нельзя — окно задернуто кремовыми шторами, непроницаемыми для любопытных глаз.

Дом этот, точнее благоустроенная дача, принадлежал хорошо известному и в Москве, и в Тутышах, и в Воздви-

женском, и в Лесном (особенно в Лесном) доктору Михаилу Платоновичу Волкову.

Светилось окно и в кирпичном одноэтажном доме, лепившемся к ограде церкви мучеников Флора и Лавра. К дому этому подъехал на всех парах милицейский «газик», растревожив тьму сполохами своей синей мигалки. И сразу же в доме уже не в одном окне, а во всех шести вспыхнул свет, засуетились, заметались внутри люди. Тени заскользили по окнам. Послышался женский плач, захлопали двери, залаяла спросонья испуганно и злобно дворовая собака Мушка.

Дом у церкви принадлежал отцу Дмитрию. И не стало в этом доме ни сна, ни покоя никому, едва лишь милиция сообщила родным, что отец Дмитрий убит.

Было освещено окно и еще в одном доме, отделенном от дороги прудами и лесом, некогда так похожим на тенистый парк. Ночью разглядывать этот дом было напрасным занятием. Осмотр лучше было отложить до утра. Дом был большим, совершенно темным. Только в правом флигеле его желтел освещенный квадрат окна. Заглянув в окно, можно было увидеть комнату: к окну придвинут круглый стол из карельской березы, покрытый скатертью. На столе стояла бронзовая лампа «Сатир и нимфа» под белым шелковым абажуром.

За столом над раскрытым журналом «Восточная коллекция» сидела женщина лет сорока пяти — полная, в очках. У женщины — не красивой, но и не уродливой — были очень густые темно-русые волосы с проседью, подколотые сзади в пучок. Женщина куталась в синюю вязаную кофту и давно уже не читала журнал. Она тревожно вглядывалась в темноту за окном. Как и покойный отец Дмитрий, как и доктор Волков, эта женщина была хорошо известна в округе, хотя была не местной, а приезжей. К чему не могли до сих пор привыкнуть в Тутышах и в Воздвиженском, так это к имени женщины. Звали ее Долорес Дмитриевна, хотя среди предков ее никогда не было ни одного испанца, и Испанию она и в глаза не ви-

дела даже по туристической визе. Фамилия Долорес Дмитриевны была самая обыкновенная — Журавлева.

Где-то в доме громко хлопнула дверь, послышались шаги. В комнату, освещенную одной только старинной бронзовой лампой, вошла еще одна женщина — по виду ровесница Журавлевой. Но она была стройнее, выше ростом, суше и гораздо энергичнее на вид. У нее была модная стрижка. Волосы выкрашены в приятный для глаз темно-каштановый цвет, лицо властное, умное, ухоженное и решительное. Она, видимо, пришла с улицы, так как была в кроссовках, фиолетовом спортивном костюме и белой куртке. Долорес Дмитриевна стремительно обернулась на звук шагов.

— Ну? Наташа, узнала что-нибудь? — спросила она жалобно и тревожно.

— Господи, у кого тут что узнаешь? — Женщина в куртке, которая только для одной Долорес Дмитриевны, своей старой подруги, была просто Наташа, а для всех остальных Наталья Павловна Филологова, пересекла комнату, подошла к окну. — Просто мрак какой-то. У Малявина свет не горит. Я понятия не имею, где он. Сотовый его не отвечает. Вроде бы он никуда и не собирался сегодня после обеда, а? Я не слышала, чтобы его машина проезжала. Но знаешь, что-то точно случилось. Я сирену милицейскую слышала. И потом, эти их синие огни. Вроде бы в ту сторону поехали, — Наталья Павловна неопределенно махнула рукой.

— А может, это «Скорая» к отцу Дмитрию была? У него ведь теща совсем плоха. Может, с ней что? — спросила Долорес Дмитриевна.

— Да нет же, это не «Скорая», — Наталья Павловна вглядывалась в черноту ночи. — Это милиция, такие вещи не перепутаешь. Что-то случилось.

— А вдруг с ребятами что? — Долорес Дмитриевна даже привстала. — Может, все-таки нам стоит пойти, выяснить?

— Куда пойти? Вот ты всегда так — говоришь, лишь бы сказать. Куда пойти-то? Я до конца главной аллеи

почти дошла — темень, дождь, ямы везде нарыты. Того и гляди куда-нибудь провалишься. И почему обязательно что-то должно случиться с ребятами? Они уже взрослые, женихи! А что... разве они до сих пор еще не вернулись?

— Нет. В том-то и дело! А уже почти одиннадцать.

— Ну для Вальки твоего это еще совсем детское время. А он сказал, куда они пошли?

— Сказал, что в дом отдыха — там Интернет-кафе какое-то открылось.

— Часа не могут прожить без своего Интернета, — Наталья Павловна покачала головой. — Нет, подруга, мы раньше не были такими. И если увлекались, то совсем другими вещами. Интересно, что все-таки случилось?

— А ты, когда с автобуса шла, ничего не видела?

— Нет, представляешь, у меня, как назло, зонт сломался. Мой последний приличный зонт. Тот, что я из Парижа привезла. Теперь раскошелиться придется на новый.

— И наших никого нет, — Долорес Дмитриевна заломила руки. — Кто бы мог съездить, разузнать. Кстати, Леша наш машину вроде починил.

— Неужели? Наконец-то.

— Часов до пяти все с мотором возился. Потом сел и куда-то уехал.

— Куда?

— Понятия не имею. Я хватилась — творога на завтра нет, масла сливочного тоже не осталось. Думала, он приедет — довезет меня до магазина в Воздвиженское, так и не дождалась, пришлось пешком идти. Может, позвоним кому-нибудь, Наташа, узнаем?

— Кому? Ну кому мы позвоним? Роману Валерьяновичу? Он в Москве, стоит ли его из-за таких пустяков беспокоить? Волкову? Ты его сотовый помнишь?

— Ой нет, был записан у меня где-то...

— И я нет, а он ведь нам давал свою визитку. Вообще, зачем кому-то звонить среди ночи? Всегда ты, Дали, выдумашь бог знает что. Ничего плохого не произошло. Мы ведь просто тешим свое праздное любопытство.

— Мне что-то на сердце беспокойно, Наташа.

— Брось. Это все нервы, усталость. С этим ремонтом, строительством у всех голова кругом идет. И потом, осень пришла, дождь за окном, ночь. Здесь все это острее ощущаешь, не то что в городе. В Поленове, помнишь, тоже было поначалу неуютно, а потом как мы там работали, как жили славно!

— В Поленове, Наташа, было совсем не так. И там мы пробыли всего две недели. А тут живем уже с мая. И я... я уже начала сомневаться.

— В чем ты начала сомневаться?

— Ну хорошо ли я сделала, что привезла и Валю сюда.

— Нет, лучше ему было бы остаться одному в Москве. Одному в квартире! Ну ты и скажешь тоже. Это парню-то девятнадцатилетнему!

— Нет, конечно... Я понимаю, свобода, соблазны... Но он и здесь тоже...

— Тут он работает. Слава богу, не болтается по клубам, а работает и зарабатывает деньги, занимается делом.

— Но его сверстники учатся.

— А он у тебя разве не учится на заочном?

— Учится, но... Ох, какая же это учеба? И потом этот Леша Изумрудов... Он, конечно, милый, хороший парень, но... Наташа, я давно хотела спросить тебя. Положа руку на сердце, ты... ничего не замечала за ним и за...

— Я тебе уже говорила: я ничего не замечала. Я не имею привычки следить и собирать глупые бабьи сплетни. И ради бога, родная моя, выбрось ты всю эту чушь из головы!

За окном послышались громкие молодые голоса. Услышав их, Долорес Дмитриевна встрепенулась и облегченно вздохнула.

— Идут. Оба. Как ни в чем не бывало, — Наталья Павловна сняла наконец куртку, которую до этого все не снимала. — Ну сейчас, может быть, что-то и узнаем. Может, мальчикам что-то известно про эти ночные приезды милиции.

Глава 4

РАБОЧИЙ РАЙОН

Лыковы жили на Автозаводской. Сколько себя помнил Иван Лыков — Лыковы всегда жили на Автозаводской. Возвращаясь домой сначала из школы, потом из института, затем с работы, Иван Лыков видел всегда одно и то же — мост с грохочущими по нему бензовозами и огромные цеха ЗИЛа. Первая проходная, вторая проходная, инструментальный цех, главный конвейер — вся эта автоиндустрия вызывала у Ивана Лыкова смесь восхищения и отвращения.

Для пацанов с Тюфелевой Рощи, с Кожуховского затона, с Южного порта этот район был привычной средой обитания. Когда под самыми окнами дома Лыковых — пятиэтажного, еще довоенной постройки, который в 38-м был образцово-показательным домом соцкультбыта ударников производства, а начало третьего тысячелетия встречал лопнувшими трубами и осыпающейся штукатуркой, — когда под самыми окнами этого памятника эпохи «серпа и молота» строили «великое» транспортное кольцо, Иван Лыков частенько не спал ночами. Нет, не только из-за адского шума и грохота стройки. Новые пластиковые окна, заказанные и поставленные сестрой Анной, от шума как-то спасали. А вот от удушливого чувства гадливости и восторга не очень.

В сполохах сварки, в скрежете и лязге металла, в сверкающих золотом водопадах окалины рождалось из бетона и стали новое техночудо — мосты и подвесные эстакады, галереи и транспортные развязки. И все это махом наваливалось, нависало над заводскими зилловскими корпусами, срастаясь, спаиваясь намертво в единое целое. Все туже затягиваясь петлей, возводя все выше и выше непреодолимые границы жизни рабочего района и собственной, лыковской жизни внутри этого замкнутого ареала.

Не было дня, чтобы Иван Лыков не желал убраться с Автозаводской, из этого старого сдыхающего дома, от

всего этого хаоса и грохота, бензиновой вони — ко всем чертям. Но каждый раз — куда бы его ни забрасывали эти самые черти дальних странствий — в Ларнаке ли на Кипре, где он отдыхал вместе с сестрой, в Сеуле, где он в качестве дилера пытался закупить партию подержанных корейских авто, в тишайшем Лесном с его реставрируемой усадьбой, заглохшим парком, затянутыми ряской прудами, — везде он (вот незадача!) смертельно тосковал, скучал и рвался домой. Куда? В свой постылый рабочий район.

В путешествиях в Средиземноморье и на Восток был кайф, в Лесном уже прочно утверждалась будущая благоустроенность и сытая нездешняя свобода поступков и желаний. Но тут, на стыке зилловских цехов и «великого» транспортного кольца, обитала, как зверь в берлоге, та самая сила, которой втайне мечтает обладать каждый мужчина. Почти плотская сила, железная мощь, похожая на мучительный жаркий огонь в крови, что разгорается все ярче и ярче с каждой тщетной попыткой загасить его.

Возможно, все это было, копошилось, существовало где-то на уровне слепого подсознания — Иван Лыков не хотел в этом разбираться досконально, потому что...

Потому что знакомый с детства рабочий район, весь этот грохот и лязг главного сборочного конвейера и гигантской стройки каким-то тайным непостижимым образом соединялись у него в душе с образом старшей сестры Анны. Соединялись ли? Нет, скорее отталкивались от противного: вон она в окне их старой долбаной квартиры на фоне освещенных и никогда не спящих зилловских корпусов. И вот она же на фоне другого окна, смотрящего на темнеющий в лучах вечерней зари лес, на сонные пруды.

Сергей Мещерский, с которым Иван Лыков так случайно и так удивительно не случайно (как вышло впоследствии) встретился в городе Санкт-Петербурге на Невском проспекте, о жизни своего приятеля, да и о нем самом почти ничего не знал, кроме общеизвестных фактов: да, в общем-то, Ваня Лыков славный парень, легко,

без особого напряжения шагающий по жизни. Да, немного неудачник, как и всякая широкая артистическая натура. Да, как ни удивительно, — последний, самый последний в роду князей Лыковых, до которых, собственно, никому уже нет дела, кроме досужих историков и геральдистов. Это были чисто внешние черты, являвшиеся достоянием всех. Но под этой оболочкой скрывалась сердцевина. А в сердцевине — тайна. И в этом тоже не было ничего необычного. У кого из нас нет своих маленьких сокровенных тайн?

Нет, нет, распространяться обо всем этом Лыков не любил. И он никогда не говорил себе: я такой, потому что... Или: это произошло оттого, что... Он просто помнил один случай, перевернувший всю его жизнь. Случай этот произошел, когда он еще ходил на футбол.

Это было тоже осенью: матч кончился с разгромным счетом. Толпа фанатов, разделенная милицейскими кордонами, валила со стадиона «Торпедо» к Автозаводской. Кто тогда с кем играл — красно-белые ли с «конями» или само «Торпедо» с кем-то из вечных несгибаемых чемпионов, не суть важно. Важно то, что матч продули и часть фанатов, прорвав с горя оцепление, хлынула на набережную и под мостом сошлась лоб в лоб с другой толпой фанатов.

Иван Лыков вместе со своими, где были все как один правильные четкие пацаны с Тюфелевой роши, с Кожуховского затона, со станции Москва-Сортировочная, с утренней зиловской смены и с Южного порта, тоже оказался под мостом. Ему было восемнадцать, и он догуливал свою последнюю неделю до призыва.

Драка под мостом была такой, что для ее разгона были стянуты милицейские наряды со всех ближайших округов. Но это лишь добавило дравшимся с той и другой стороны свирепости и задора. В общей свалке Лыкову кто-то разорвал мочку уха, выдрав только недавно (перед самой призывной комиссией) вдетую медную серьгу. Лыков получил еще и несколько ударов свинчаткой по ребрам,

упал, и его наверняка бы затоптали, если бы не сестра Анна.

Каким чудом она оказалась тогда на набережной? Она уже заканчивала институт, у нее был дружок-студент, с которым она проводила все свободное время, постоянно мотаясь по каким-то выставкам, реставрационным мастерским и тусовкам. А тут вдруг раз и...

Иван помнил, как в приемном покое, когда он, окровавленный и несчастный, лежал со своими треснувшими ребрами на больничной каталке, сестра металась возле него, и плакала, и держала его за руку, и ругала сумасшедшим дураком, и тут же испуганно, нежно заглядывала в глаза: «Тебе больно? Ну потерпи, чуть-чуть потерпи». Она тормозила его, и целовала, и снова ругала, и опять плакала...

Ивану Лыкову отчего-то всегда хотелось думать, что это именно Анна спасла его тогда. Хотя это было и не так. И он вовсе не умирал смертью героя. Ему натуго забинтовали грудную клетку после рентгена, промыли и зашили мочку уха, сказав: «До свадьбы заживет».

Чьей вот только свадьбы?

А потом шло время, и Анна все собиралась и собиралась замуж за своего студента, но он на ней так и не женился. Лыков готов был убить его и вместе с тем испытывал странное облегчение, граничащее со счастьем.

После смерти матери они с Анной жили вдвоем в своей старой квартире. Чисто внешне все было опять же как у всех. У Анны за эти годы было несколько мужчин, и, как говорится, без особых последствий. У самого Лыкова тоже были женщины. В женщинах ведь вообще нет недостатка. Выезжайте вечером на Ленинградку, выберите любую — на час, на ночь.

Что-то такое бредовое в качестве возможных планов насчет сестры и Сергея Мещерского Лыков слышал от всеобщей чокнутой тетушки Евгении Александровны. Но всерьез этому значения не придавал и не беспокоился. Мещерский с его наполеоновским ростом и деликат-

ной робостью в обращении с противоположным полом был не соперником.

Кому не соперником?

Этот вопрос Лыков себе задавать не любил. Такие вопросы были опасны. Но потом настала новая эпоха — эпоха Лесного, озаменованная приездом Романа Валерьяновича Салтыкова. И жизнь Анны резко изменилась. Жизнь Ивана изменилась тоже. А тайна стала глубже, острее, перейдя в сферу совсем уж каких-то смутных, разрушительных грез, где на фоне двух разных пейзажей — чугунно-заводского и умиротворенно-усадебного, всегда был один и тот же образ. А прочие просто не существовали.

Анна любила вечерами подходить к окну. Что она видела там в темноте, среди слепящих огней? Что она видела там сейчас, после их последней поездки в Лесное к Роману Салтыкову?

Когда Иван вошел в комнату, сестра сидела на подоконнике, смотрела на мост, на автостраду.

— Хорошо пробежался? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нормально.

Лыков с некоторых пор, чтоб держать себя в приличной форме, не дрябнуть мускулатурой, не набирать вес, каждый вечер пятницы и выходных бегал по набережной Москвы-реки.

— Дождик идет?

— Был, но перестал.

— Ты, наверное, промок? Там чистое полотенце в ванной. Возьми.

— Спасибо.

— Ужинать будешь?

— А ты, Ань?

— Я? — она вдруг резко обернулась. — Знаешь, мне Наталья Павловна только что звонила — в Лесном... несчастье.

— Да? Какое же несчастье? — спросил Иван.

— Убийство. Убили священника. Того самого, которого Роман приглашал на освящение дома, — отца Дмит-

рия. Это случилось вчера вечером. А сегодня все уже знают, вся округа — Наталья Павловна так говорит. Она очень расстроена, сказала, что этот отец Дмитрий...

— Кого-то всегда убивают, Аня.

— Наталья Павловна мне сказала, что он был сильно встревожен тем происшествием в церкви — ну помнишь, про которое они нам рассказывали?

— Чепуха все это.

— Но ведь его убили, Ваня.

— Тебя это беспокоит? Ты видела его всего пару раз. Или ты расстроена чем-то другим?

Анна сразу же снова отвернулась к окну. Она пряталась от него, как улитка в свою раковину. Он помедлил. Потом подошел к ней, положил руку на плечо. Давно, в детстве, они обнимались запросто, а теперь каждый раз он делал над собой усилие, чтобы этот жест не выражал ничего, кроме братского участия и заботы. Сестра была старше его, но, когда рука его лежала на ее плече, он чувствовал себя взрослым мужчиной, а ее ощущал маленькой, беззащитной Дюймовочкой, хотя она была одного с ним роста и умела постоять за себя.

— Роман тебе не звонил? — спросил он.

— Нет. В Лесном его нет, — ее голос звучал обиженно и сердито.

— Ну раз он не беспокоился смертью какого-то там священника, чего же тебе так волноваться?

— Ваня, нам надо съездить туда. — Она дернулась, чтобы высвободиться. Лыков ощутил аромат ее духов.

— А Салтыков тебя приглашал?

— Нет, но...

— Конечно, мое дело десятое. Но, может, не стоит тебе так часто там маячить?

— Какой ты стал грубый, Иван. Мне порой просто не хочется тебе ничего...

— Говорить? — Лыков отошел, сел на диван. — Ты очень хочешь видеть его?

— У него... у Романа могут быть неприятности в связи с этим убийством.

— Какие неприятности?
— Ты знаешь какие.
— Я? Я ничего не знаю. У тебя с ним, Аня, все какие-то секреты.
— У тебя от меня тоже секреты.
— Но я твой брат. Я родной тебе человек.
— Он тоже не чужой, знаешь ли.
— Не чужой, — Лыков криво усмехнулся. — Это ты знаешь. И я. А он — наш обожаемый Роман Валерьянович — этого не знает.
— Ну и пусть. Настанет время — узнает.
— А если узнает, да не захочет?
— Ты как-то странно со мной разговариваешь. Я даже не пойму. Откуда у тебя столько злости, столько неприязни к Салтыкову? Ты ему завидуешь? Завидуешь, да? Его деньгам, его возможностям? Ах, Иван, — Анна покачала головой, — какой же ты все-таки...
— Какой? — спросил Лыков. — Ну скажи, какой у тебя брат.
— Ладно, давай кончим этот глупый разговор. Ты будешь ужинать?
— Если это для тебя так важно, поедем туда, в Лесное, хоть сейчас, на ночь глядя. Хочешь, завтра с утра.
Анна посмотрела на брата. Лыков слишком хорошо знал этот взгляд. В нем было все, но не было самого главного, того, что он хотел бы увидеть.
— Завтра? Нет... Я не могу, мне надо на работе договориться.
— Салтыков клиент вашего салона. Золотой клиент. Кто же тебя не отпустит?
Она смутилась. Лыков видел: он все-таки достиг цели словечком «маячить».
— Ну решай сама, — великодушно предложил он (огорчать ее, унижать ее гордость было больно, хотя без этого уже было не обойтись). — Скажешь когда — я тебя отвезу.
Она осталась у окна. А он пошел на кухню, открыл холодильник. Включил телевизор — спортивный канал,

футбол. За стеной у соседей в этот вечер тоже смотрели футбол. Вообще в районе Автозаводской, ЗИЛа, Кожуховского затона и Южного порта футбол был главным лекарством на все случаи жизни.

Глава 5

МОРЕ ЖИТЕЙСКОЕ

Вы молоды и очень любопытны. Больше всего на свете в данный момент вам хочется знать, кто и почему убил священника дождливым осенним вечером. А у вас муж — верный, но до ужаса капризный спутник жизни, ревниво требующий к себе безраздельного внимания. У вас завал работы, потому что сотрудников в пресс-службе кот наплакал, а газет и журналов сотни и тысячи. И все ежедневно, ежечасно рвут вас на части, требуя эксклюзивный и непременно сенсационный материал.

Каждое утро в пресс-центре главка трезвонят телефоны, и десятки репортеров повторяют один и тот же нудный вопрос: что случилось за сутки? Кого убили? Кого изнасиловали? Как, никого не убили? Все было тихо? Да как же это?! Вы нас, многоуважаемая Екатерина Сергеевна, просто без ножа режете!

Екатерина Сергеевна, или для друзей просто Катя, в это утро примчалась на работу рано. Начальник отдела убийств Никита Колосов «убывал», как говаривали в этих случаях в главке, в бессрочную командировку в Тутыши сразу после совещания у руководства. Надеяться, что он позвонит сам и возьмет с собой в Тутыши представителя пресс-службы, было наивно. Катя и не надеялась. Она просто терпеливо караулила Колосова в вестибюле, то и дело поглядывая то на электронное табло на стене, то на свои часики, которые спешили на пять минут.

Наверху в родном кабинете оставались брошенными на произвол судьбы два неоконченных криминальных очерка и одно важное интервью для «Вестника Подмосковья». Чтобы не терзаться по поводу несделанного, Ка-

тя, как обычно, прикрылась словно щитом любимым афоризмом Скарлетт О'Хара: «Я не буду думать об этом сегодня. Я подумаю об этом завтра».

Однако было и еще кое-что, о чем думать завтра было просто невозможно. Этим кое-чем был муж Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне «драгоценным В.А.».

У «драгоценного», не состоявшего на госслужбе, а зарабатывавшего свой нелегкий хлеб в качестве начальника личной охраны небезызвестного в столице предпринимателя Василия Чугунова, был скользкий график выходных. И это создавало большие проблемы, потому что очень часто его выходные не совпадали с выходными Кати. Когда «драгоценный» отдыхал, это обычно выливалось у него в шумную расслабуху в компании закадычного друга детства Сергея Мещерского.

Мещерский недавно вернулся из Питера и уже настойчиво подавал признаки жизни: звонил другу Кравченко и отдельно, особо — Кате. Было решено встретиться в первый же общий выходной, и каждый предлагал свой собственный план посиделок. Катя предлагала мирно и скромно собраться дома за столом (благо Мещерский и сам обожал возиться на кухне, а посуду могла вымыть и посудомоечная машина). Кравченко, любивший сорить кровно заработанными на ответственной должности телохранителя деньгами, звал скоротать вечер в ресторане — в «Кавказской пленнице», например, или же в грузинском погребке на Остоженке. Мещерский, хорошо помнивший, чем закончилось последнее коротание времени в погребке (Кати с ними не было), деликатно намекал, что лучше и безопаснее всего совершить выезд на природу, если, конечно, погода позволит. Полюбоваться, как лес теряет багряный свой убор, потомить шашлыки на мангале, прокатиться на нанятой моторке по каналу имени Москвы и вообще вдохнуть полными легкими свежего воздуха, аппетитно приправленного ароматом дыма походного костра и коньяка из заветной фляжки.

Катя знала: «драгоценный» со своим дружкой детства

все равно переспорят ее, но особо не переживала. До выходящего еще надо было дожить. А пока больше всего на свете ее занимал вопрос: кто же убил старого священника в этих безобидных дачных Тутышах и что из всего этого расследования получится?

Всем этим она попыталась поделиться с «драгоценным В.А.», но он только плечами пожал: «Убили? Ну и земля пухом. Мало ли этих убийств? Каждую неделю вон строчишь — только успевай. Чего ж так переживать-то?»

Казалось, «драгоценный» мыслил крайне примитивно, но на деле всегда оказывалось — здраво, дальновидно и, что называется, житейски-мудро. Катя часто в этом убеждалась, но все равно это его равнодушие порой ее сильно раздражало. Но через секунду она уже говорила себе: а ты сама разве не черствая, не равнодушная? Разве так уж тебе жаль этого несчастного отца Дмитрия? Тебе просто интересно, потому что это новая тема, новое событие, новый материал. А насчет жалости — это все пустые слова. Шелуха.

Шелуха?

Катя увидела, что Колосов спускается по лестнице. Неужели и для него все это тоже шелуха? Издержки профессии?

— Ой, Никита, привет. А ты почему опаздываешь? Я тебя жду.

«Ой, Никита» — это было уже традицией. Колосов замер на ступеньках. Таким тоном вас упрекают, когда вы опаздываете на любовное свидание. Но ему лично вроде бы сегодня утром в вестибюле главка под недремлюще-зорким взглядом дежурного никто любовных свиданий не назначал. Или все же назначили вполнамека — вчера, темным дождливым вечером в машине по дороге с места происшествия?

— Новости есть? — алчно спросила Катя. — Может быть, там уже кого-то задержали? Подозреваемого?

— Никого пока не задержали. А ты куда же это... — Колосов едва не произнес «намылилась», но вовремя прикусил язык, — собралась?